

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX–XX ВЕКОВ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРОБЛЕМАХ ТЕХНОГЕНЕЗА

Канд. техн. наук, доц. МУШИНСКИЙ Н. И.

Белорусский национальный технический университет

В современных условиях проблема справедливости приобретает особую актуальность. Мировые войны и вооруженные конфликты, социальные революции и глобальный кризис, изменение политического равновесия – все это в значительной степени связано с попытками ее разрешения. Задачи нового тысячелетия, связанные с созданием системы экологической безопасности, борьбы с международным терроризмом, преодолением негативных явлений в экономике стран бывшего СССР, предопределяют необходимость всестороннего осмысления принципов справедливости и разработки практических рекомендаций по ее осуществлению. В этой ситуации этико-философские идеи русских религиозных мыслителей конца XIX – начала XX в. во многом наполняются новым содержанием, позволяют взглянуть на проблему справедливости в свете возрождения культурных традиций прошлого, глубже раскрыть ее возвышенный духовный смысл в контексте современного техногенеза.

Этико-философская мысль России этого периода не представляет собой целостного явления. Она объединяет большое количество разнообразных школ и направлений. Среди них можно назвать русский космизм Николая Федорова, софиологию Владимира Соловьева, экзистенциализм Николая Бердяева, оккультно-мистические концепции Елены Блаватской, Николая и Елены Рерихов, оригинальные теории других авторов, многие из которых находились в конфликте друг с другом и с ортодоксальной идеологией православия. Все эти разнообразные течения объединяются, во-первых, хронологическими параметрами, очерченными, в основном, промежутком между отменой крепостного права и образованием Советской России; и, во-вторых, наличием общих идей, входящих к христианской патристике и прочно утвердившихся в рамках православного вероисповедания. Для них характерно критическое отношение к научно-рационалистическому мировосприятию западноевропейского типа, всестороннее обоснование приоритета религиоз-

ной веры перед разумом; стремление к реализации принципов всеединства и соборности.

В русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. проблема справедливости анализируется в двух основных аспектах: отрицательном, связанном с обличением различных форм несправедливости, присущих современному техногенному социуму; и положительном, относящемся к будущему времени и выраженном в разнообразных проектах укрепления справедливости на основе распространения христианского мировосприятия. Критический пафос большинства российских авторов нацелен, главным образом, против западной цивилизации, основанной на принципах нравственного индивидуализма, свободной конкуренции и всеобщего отчуждения. Этико-философские концепции материализма, натурализма и позитивизма рассматриваются как теоретическое оправдание порожденных техническим прогрессом различных видов несправедливости.

Широкая полемика ведется также с новейшими теориями, пытающимися преодолеть несправедливость техногенного общества в отрыве от христианских традиций. В XX ст. некоторые из этих учений, в частности, марксизм и ницшеанство, стали идеологической основой авторитарных режимов. Русская этика православия активно выступает против порожденных диктатурой новых форм социальной несправедливости.

В качестве примера отрицательной оценки западной цивилизации, наполнившей технический прогресс бездуховным содержанием и породившей, таким образом, глобальные проблемы современности, можно назвать «Философию общего дела» Н. Федорова. По его мнению, «история как факт есть... ограбление или расхищение... всей внешней природы (т. е. земли), есть собственное вырождение и умирание (т. е. культура)» [1]. В современном западном обществе доведены до логического завершения и распространены на все человечество разнообразные формы несправедливости, в основе которых лежат «небратские», «сиротские»

отношения между людьми, разрыв связи друг с другом и с прошлыми поколениями.

Антизападнических взглядов придерживался и Н. Бердяев, утверждавший, что «механичность, техничность и машинность этой цивилизации противоположна органичности, космичности и духовности всякого бытия» [2]. Подавляя живое творческое личностное начало, она делает невозможным подлинную самореализацию принципов справедливости, заменяет их бессмысленной борьбой между индивидами и государствами за обладание материальными ресурсами. В подобном противостоянии имеет больше шансов сильный и сплоченный социум, поэтому «капиталистическая цивилизация находит себе заслуженную кару в социализме» [3]. Общественный строй, связанный с идеологией марксизма и нищезанятия, окончательно уничтожает идею справедливости, подчиняя ее сиюминутным военно-политическим интересам.

На этом основании многие представители русского православия вообще отрицают возможность справедливых общественных отношений в современном мире, видят в нем реализацию злого сатанинского начала. Очень ярко и образно говорит об этом С. Франк: «Не так легко... поверить, что всеблагий Бог... избрал Гитлера орудием своей воли, чтобы через муки удушения невинных женщин и детей в газовых камерах повести человечество по заранее им определенному пути» [4]. По мнению как С. Франка, так и Н. Бердяева, социализм в его марксистской и нацистской разновидностях органически связан с научно-техническим переворотом Нового времени и появлением западных демократий, поскольку он доводит до логического завершения изначальный приоритет материальных ценностей, бездуховного «тварного» начала в человеке, идею безграничной власти над окружающей природой. Именно эту цель имело развитие промышленности в западном обществе, пытавшемся более полно удовлетворить физические потребности человека и построить таким образом «Царство Божие на земле». Социализм решает ту же задачу, поднимая принцип свободной конкуренции на уровень межгосударственных отношений и переводя его в плоскость военно-политического противостояния. На смену справедливости приходит «право сильного»: государство получает полную возможность поступать несправедливо как с собственными гражданами (практика политических репрессий в СССР и нацистской Германии), так и на международной арене (мировые войны XX ст.). Теоретически

марксизм это оправдывает через обращение к материальным факторам, хозяйственно-экономическим отношениям. Он создает учение об определяющей роли способа производства, подчиняет общечеловеческие принципы справедливости высшим целям классовой борьбы и пролетарской революции. Нацистская пропаганда использовала учение Ф. Ницше о прогрессивном значении иррациональной жизненной силы, «воли к власти» над окружающим миром, для создания культа «сверхчеловека», политического вождя, призванного военными средствами бороться за превосходство своей расы и стоящего, в этом смысле, выше всякой справедливости.

Анализируя в начале третьего тысячелетия подобные критические высказывания представителей философии русского православия, направленные как против западных демократий, так и против авторитарных режимов современности, необходимо признать, что они отражают ряд существенных закономерностей. Действительно, технический прогресс с необходимостью приводит к отождествлению справедливости с индивидуалистическими принципами демократического общества, поскольку именно рыночные отношения и свободная конкуренция заставляют активно искать и реализовывать научно-технические инновации. Столь же закономерно появление тоталитарных обществ по мере развития путей сообщения и с началом борьбы развитых государств за мировое господство. Естественно, что в условиях военного противостояния гуманные принципы справедливости уступают место откровенному насилию; сильнее же окажется то государство, которое обладает более обширными материальными ресурсами и более высоким уровнем централизации, основанной на страхе перед наказанием. При этом обращение к справедливости носит чисто пропагандистский характер.

Однако с развитием военных технологий количественный фактор перестает играть решающую роль. С появлением оружия массового поражения, свидетелем которого явился уже С. Франк, ведение открытых военных действий становится невозможно, и западные демократии, основанные на принципах творческого индивидуализма, опять получают преимущество. Они вновь вынуждены обратиться к общечеловеческим критериям справедливости, поскольку в условиях кризиса авторитарные режимы способны на акты отчаяния, чреватые уничтожением всего человечества. Кроме того, необходимы коллективные усилия по охране окру-

жающей природной среды. Возникает потребность в новой возвышенной идеологии, которая позволила бы западной цивилизации подняться над меркантильными интересами и выступить гарантом реализации нового универсального идеала справедливости.

К чести российских мыслителей XIX–XX вв., можно признать, что многие из них интуитивно предвидели подобную ситуацию. Хотя достижение высшего идеала справедливости они преимущественно связывали с православием, однако само православие трактовалось не в культово-догматическом, а в глубоком философском смысле. По мнению С. Франка, христианином по духу объективно является любой человек, независимо от его субъективных религиозных убеждений, даже последовательный атеист, при условии, что ради справедливости он способен пожертвовать сиюминутными корыстными интересами. Всомогущество Бога проявляется не в том, что в окружающем мире добра больше, чем зла (это не так), а в том, что в царстве «князя тьмы» неизменно пробивается узкий луч высшей справедливости, доступной только избранным. Следовать ей призывают все религии, об этом говорил еще Сократ. Преимущество христианства состоит только в том, что образ Христа, сына простого плотника, с его проповедью всеобщей любви, не отступившего от справедливости под угрозой мученической казни, значительно убедительнее царевича Будды и торговца Мухаммеда, благополучно окончивших свой путь в окружении учеников и последователей [5]. По мысли С. Франка, в современном мире каждый человек, подражая примеру Христа, должен быть готов к одинокой и героической борьбе со злом и несправедливостью.

В этом состоит смысл Богочеловечества, с которым еще В. Соловьев связывал дальнейшее существование современной цивилизации. Весь исторический процесс он разделил на эпохи «природных религий» (Древний Восток и античность, обожествлявшие силы природы), Богочеловека (от рождения Христа до современности) и Богочеловечества (общество будущего). Именно ко второму этапу относится «единый, неизменный принцип справедливости: не делайте другим, чего себе не желаете» [6]. Однако христианская проповедь была принята только формально, Христос остался в единственном числе, под лозунгами христианства велись войны и совершались многочисленные несправедливости. В. Соловьев подверг критике «отвлеченные начала» западной идеалистической и материалистической философии,

противопоставил им возвышенную мистику Востока. Но, не имея власти над миром природы, она, по его мнению, не может быть основой справедливости. Объективно развитие науки и техники ведет к смягчению нравов. Совершенство разума предопределяет развитие политической и религиозной свободы, отмену пыток и других проявлений жестокости, поэтому западные демократии современности в значительной степени соответствуют духу христианства. «Нельзя же отрицать того факта, что социальный прогресс последних веков совершился в духе... справедливости» [7]. Однако только окончательное воплощение этих принципов в рамках разумной теократии, основанной на соборности и всеединстве, когда каждый человек сможет преодолеть свою разобщенность с другими людьми и окружающей природой, позволит перейти к стадии Богочеловечества и решить глобальные проблемы современности в соответствии с идеей справедливости.

Точка зрения В. Соловьева во многом созвучна другим христианским концепциям справедливости, в частности теории «непротивления злу насилием» Л. Толстого. Как известно, выдающийся русский литератор и философ в последние годы жизни отрицательно оценивал западную цивилизацию; считал, что она носит урбанистический, «заводской», «фабричный» характер, отрывает человека от природы. Однако бороться с ней с помощью силы невозможно и бессмысленно: это был бы просто новый виток конфронтации. Кроме того, западная промышленность в первую очередь представляет собой развитие военных технологий, поэтому в материальном смысле она сильнее кого бы то ни было. Собственно, вся ее сущность выражена в систематическом насилии человека над человеком и над окружающей природной средой. И тем не менее, несмотря на все успехи промышленности, это – тупиковый путь развития, поскольку «насилие производит только подобие справедливости, но удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия» [8]. Поэтому Л. Толстой попытался использовать духовный потенциал христианского гуманизма: накануне мировых войн и глобального кризиса в имении Ясная Поляна он жил простой крестьянской жизнью, занимался физическим трудом, обучал грамоте крестьянских детей, пытаясь личным примером увлечь людей по пути справедливости.

Идеи Л. Толстого значительно опередили свое время, поэтому не могли увенчаться полным успехом (русская религиозная философия

часто мыслит глобальными категориями в масштабе тысячелетий; достаточно вспомнить учение Н. Федорова о всеобщем воскрешении и заселении космического пространства). В начале XX в. потенциал насилия еще полностью себя не исчерпал, поэтому этика Л. Толстого явилась несколько преждевременной. Однако с появлением оружия массового поражения в условиях современной глобализации его трактовка справедливости начинает звучать вполне актуально.

Об этом же говорил Н. Бердяев, который стремился в духе справедливости гармонично соединить творческий потенциал отдельной личности с интересами всего человечества. Как и Л. Толстой, он считал, что «необходимо делать различие... между осуществлением справедливости в общественной жизни, предполагающим момент принуждения, и осуществлением братства людей, их подлинного общения или коммуникации, предполагающим свободу человека и действие благодати» [9]. Таким образом, его трактовка справедливости основывается на диалектическом единстве ее приложения к отдельному индивиду, где допустимо справедливое воздаяние за частные проступки, и общечеловеческого соборного начала, призванного объединить всех людей в стремлении к высшему благу.

Эти два аспекта прослеживаются также в работе Н. Лосского «Условия абсолютного добра», в которой говорится со всей определенностью: «Милосердие Божие не есть попустительство; оно сочетается со строгой справедливостью» [10]. Более того, даже «бывают случаи, когда смертная казнь есть воздаяние справедливое» [11]. По мнению Н. Лосского, разработавшего учение «персоналистической метафизики», душа человека (как и его тело, и вся окружающая природа) состоит из «субстанциальных деятелей», движущихся в соответствии с законами эволюции по пути совершенства. Если какой-нибудь из них отклонился от принципов справедливости, в результате чего человек совершил преступление, то наказание будет играть положительную роль. Хотя смертная казнь лишает преступника возможности непосредственного покаяния, однако в будущей жизни субстанциальные деятели его души сохраняют страх перед наказанием, что способствует повышению справедливости в ее общечеловеческом выражении. Таким образом, теория «субстанциальных деятелей» Н. Лосского, опираясь на принципы справедливости, рассматривает индивида, общество и природу как единое целое, преодолевает их деструктивную

разобщенность. «Отсюда ясно, что для осуществления социальной справедливости кроме поднятия нравственности отдельных лиц необходимо еще заботиться и об усовершенствовании общественного и государственного строя» [12].

При всем своеобразии русская религиозная философия уделила проблеме справедливости значительное внимание именно в контексте техногенных проблем современности. Ей удалось подняться над узкими правовыми, религиозными и социально-политическими интересами, взглянуть на следование справедливости как необходимое условие самовывживания и развития человечества. В. Соловьев, Н. Федоров, Л. Толстой, Н. Бердяев, Н. Лосский, С. Франк, а также другие широко известные российские мыслители смогли интуитивно предвидеть те катастрофические последствия, к которым способны привести различные проявления социальной несправедливости в условиях глобального научно-технического переворота, всеобщей конфронтации, безудержного развития военных технологий. Они поняли, что технический прогресс не является априорно данной высшей ценностью; для того чтобы он не вышел из повиновения и не привел человечество к самоуничтожению, его необходимо дополнить фундаментальными духовными первопринципами, способными объединить всех людей независимо от их национальных, религиозных, расовых, политических и любых других различий, позволить им совместными усилиями бороться с техногенными проблемами современности на основе взаимного доверия и всеобщей справедливости. В начале третьего тысячелетия идеи русской религиозной философии о справедливости и проблемах техногенеза приобрели новую актуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федоров Н. Ф. Сочинения. – М., 1982. – С. 201–202.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М., 1990. – С. 171.
3. Там же.
4. Франк С. Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 468.
5. Там же. – С. 227–228.
6. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 542.
7. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 349.
8. Толстой Л. Н. Путь жизни. – М., 1993. – С. 177.
9. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 152.
10. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М., 1991. – С. 158.
11. Там же. – С. 155.
12. Там же. – С. 224.